

Концепция памяти в психоанализе: деконструкция индивидуального/коллективного

Старикашкина Дарья Александровна

преподаватель, отдел по работе с выходцами из стран постсоветского пространства, Международная школа изучения Холокоста, Яд Вашем

9103401, Израиль, г. Иерусалим, ул. Харжерцель, Р.О.В. 3477, оф. Международная школа изучения Холокоста, Яд Вашем

✉ starikashkina.daria@gmail.com

[Статья из рубрики "Материк бессознательного"](#)

Аннотация. Статья раскрывает принципы формирования и работы индивидуальной и коллективной памяти в рамках психоаналитической теории, как подчиненных сходным законам функционирования и развития. Проведенная аналитическая работа показывает, что несмотря на отсутствие термина «коллективная память» в работах Зигмунда Фрейда, к данному понятию представляется возможным приравнять проработанное им понятие «культура». Это, в свою очередь, открывает возможности для рассмотрения искусства, как одновременно принадлежащего Субъекту и культуре и, в рамках современной этико-эстетической теории, отвечающего на вопрос о возможностях сохранения памяти и работы с коллективной травмой, что является особо актуальным в рамках пост-травматического общества, среди продолжающихся дискуссий об осмыслении культурных травм ушедшего XX столетия. Методология исследования связана с комплексным подходом к изучению вопроса сохранения памяти в рамках психоаналитической теории, основой для которого послужил корпус текстов З. Фрейда, оказавших огромное влияние на мыслителей психоаналитического, эстетического и философского дискурса. В данной статье проясняется вопрос подхода к теории памяти в психоаналитическом её понимании, что позволяет переосмыслить границы между индивидуальным и коллективным, а сделанные выводы позволяют выявить природу работы памяти, а также возможности сохранения памяти, не подвергаемой переписыванию и искажению, в эстетическом поле искусства.

Ключевые слова: Искусство, Жуткое, Психоанализ, Культура, Память, Коллективная память, Травма, Посттравматическое общество, Этика, Эстетика

DOI: 10.7256/2409-8701.2016.1.18144

Место памяти в пост-Современности

Проблематика сохранения исторической памяти в эпоху, обозначенную Жан Франсуа Лиотаром, как пост-Современность, является одной из наиболее широко представленных на пересечении сразу нескольких интеллектуальных дисциплин. Постиндустриальное общество, в котором функция памяти отчуждается записывающим устройствам и приспособлениям для считывания и хранения информации, а так же разного рода электронным архивам, уничтожает память субъекта и стремится к забвению того, что не вписывается в принятую этическую норму. Травматические события прошлого, подрывающие спокойствие Субъекта, оберегаемого ценностям общества потребления от необходимости ответа на вопросы, выставляемые пост-Современностью, подвергаются вытеснению или отбрасыванию. Один из вопросов, который Теодор Адорно задает пост-Современному обществу, это вопрос о возможности творчества и в целом бытия после

Аушвица - как символа индустриализации смерти и полного разрушения ценностей Просвещения и Модерна. Холокост и его последствия вызвали серьезный кризис в Западноевропейской интеллектуальной мысли сразу после окончания Второй мировой войны и затронули такие области знания, как философия, культурология, антропология, этика, эстетика, теология и др. В осмыслении произошедшей трагедии формируется общество пост-Современности, которое чаще называют посттравматическим обществом. Изучению коллективной памяти и коллективной травмы отведено широкое дискурсивное пространство, которое продолжает развиваться, находя все новые пути репрезентации. Один из главенствующих вопросов, который стоит перед гуманитарным знанием и теми его дискурсами, которые ставят перед собой задачу осмысления таких понятий как историческая, культурная, национальная или коллективная память, является вопрос о возможности сохранения независимости и автономии памяти как таковой. Часто можно слышать мнения, в которых постулируется необходимость выстраивания взаимоотношений с прошлым, а такой термин, как «проработка прошлого», понятен практически каждому, кто так или иначе сталкивался с проблематикой осмысления событий ушедшего XX столетия. Тем не менее, само понимание памяти кажется довольно проблематичным и рискованным «соскользнуть», с той тонкой грани, на которой все еще можно утверждать, что памяти принадлежит необходимая доля независимости. «Проработка прошлого», которая подменяется пестованием нарратива, искусственно сформированного в интересах тех или иных политических «монополистов» памяти, способна привести к куда более сложным последствиям, когда коллективная память подвергается расщиплению, граница между реальностью и фантазией стирается, а сам культурный контекст принимает психотический характер. Здесь стоит задаться теоретическим вопросом о том, что же представляет собой коллективная память, с точки зрения её формирования и функционирования, а так же о том, как определить интеллектуальный дискурс, который бы давал пространство для понимания возможной степени её независимости. Мы будем апеллировать к тому, что таким интеллектуальным «ключом» может стать психоаналитическая теория, берущая своё начало в работах Зигмунда Фрейда. Теория травмы и памяти тесно переплетены во всем корпусе текстов З. Фрейда и, если теория травмы заняла достойное место в пространстве осмысления посттравматических Субъекта и общества, то теории памяти уделяется меньшее значение, что является существенным упущением. Вводимое З. Фрейдом понятие жуткого, как эстетической категории переживания столкновения со своей собственной историей, подвергалось многочисленным интерпретациям и переосмыслению. Однако именно оно лежит на границе индивидуального и коллективного и позволяет говорить о наличии некоего «ядра», которое является основой для конституирования памяти, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

Память Субъекта в теории Зигмунда Фрейда

Обращение к вопросу работы памяти начинается одновременно с остальными психоаналитическими изысканиями З. Фрейда. Начиная с самых первых работ, где он приступает к разработке техники лечения и работы с пациентами, З. Фрейд пишет о памяти, припоминании и воспоминаниях пациентов. Еще при использовании техники гипноза и катарсического метода З. Фрейда и его старшего коллеги Й. Брейера, основная работа терапевта строится вокруг работы с памятью. В докладе 1893 года «О психическом механизме истерических феноменов» он говорит о группах патогенных воспоминаний, которые тесно связаны с теорией вытеснения и исследованием истерии. З. Фрейд ставит своей задачей вместе с пациентом восстановить в памяти травмирующее событие и сопутствующий ему аффект. Основным отличием нового метода З. Фрейда от уже занявшего свое место в терапевтической практике катарсического метода, является

не отреагирование «зажатого» аффекта, а его связывание со словом— то есть возможность проговаривания пережитого события и связанного с ним аффекта, а также нахождение все больших ассоциативных цепочек, которые могут быть связаны с травматическим событием в то время, как аффект может быть отделен от одного представления и прикреплен к другому. В работе «Об этиологии истерии» 1896 года З. Фрейд пишет о целых цепочках воспоминаний и покрывающих воспоминаниях, восходящих к первому вытесненному травматическому событию, аффект от которого прикрепился к другому событию, бессознательно связанному с первым. Здесь он делает следующее важное указание: «ни один истерический симптом не может возникнуть лишь из одного реального переживания и что во всех случаях возникновению симптома содействуют ассоциативно пробужденное воспоминание о более раннем переживании»^[13]. Таким образом, в своем новом терапевтическом методе, через слово З. Фрейд работает с памятью о тех событиях, которые Субъект силится забыть, которые оказываются слишком травматичными, чтобы их помнить. Из-за невозможности восприятия сознанием событий в чистом виде, воспоминания о них приходят в искаженном виде, проявляясь в симптомах и покрывающих воспоминаниях, которые через смещение аффекта, реконструкцию и фантазирование поддерживают тенденцию работы памяти к забыванию. Через опыт аналитической работы З. Фрейдом приходит к пониманию принципа работы памяти - она парадоксальным образом оказывается нацелена на забывание — травматическое событие должно быть вытеснено и забыто. Особое внимание механизму работы забывания и запоминания З. Фрейд уделяет в работе «Психопатология обыденной жизни»: «Безразличные воспоминания детства обязаны своим существованием известному процессу смещения, они замещают в репродукции другие, действительно значимые впечатления, воспоминания о которых можно вывести из них путем психического анализа, но которые не могут быть воспроизведены непосредственно из-за сопротивления. Так как они обязаны своим сохранением не своему собственному содержанию, а ассоциативной связи этого содержания с другими – вытесненными, то их можно с полным основанием назвать "покрывающими воспоминаниями"»^[14]. Здесь еще раз подчеркивается механизм работы памяти, когда на место значимого воспоминания приходят воспоминания гораздо менее значительные. Память производит новые воспоминания с целью сокрытия травмирующего события. З. Фрейд усиливает эту теорию в седьмой главе «Толкования сновидений», где он рассуждает о забывании сновидений, а также их последующем припоминании и связывает данный феномен с работой сопротивления. Анализ сновидений в психоаналитическом процессе связан с непосредственной проработкой бессознательных процессов и именно в это время происходит встреча с бессознательными желаниями Субъекта. З. Фрейд сравнивает символику сновидений с египетскими иероглифами и задачей толкования сновидений считает перевод символического порядка сновидения на язык слов. «Толкование сновидений есть королевский путь к познанию бессознательного в душевной жизни»^[16], а сопротивление - один из механизмов, препятствующий доступу к тем вытесненным представлениям, которые находятся в бессознательном. Таким образом, феномен забывания представляет собой один из способов защиты, необходимых для функционирования психического аппарата, однако говорить о забывании в полном смысле слова не приходится, так как вся информация о сновидениях остается в нашей памяти. «То, что сновидения столь же мало забываются, как и другие душевные акты, и что с точки зрения их закрепления в памяти они должны быть без каких-либо ограничений приравнены к другим результатам душевной деятельности, показывает мое наблюдение, которое мне удалось сделать при создании этой рукописи»^[16]. При противопоставлении явного и скрытого содержания

сновидения стоит упомянуть, что «желание, обнаруживаемое в скрытых мыслях, чаще всего человеку и так известно, как правило, он вполне отдает себе в этом отчет. Важной оказывается не скрытая мысль, но работа, то искажение, те механизмы сгущения и смещения, которые придают сновидению форму»^[5]. Механизмы сгущения и смещения в данном случае работают по ассоциативной цепочке и связаны с необходимостью прикрытия другого неявного желания сновидения, таким образом, демонстрируют нелинейность времени памяти. Хронологическая последовательность и связь событий выстраивается нашим сознанием, в то время как говорить о хронологии бессознательного не приходится.

Разработка принципов работы памяти получает дальнейшее развитие, вместе с развитием психоаналитической теории, отказе от теории раннего соблазна и открытии психической реальности. З. Фрейд приходит к заключению о том, что травмирующими могут быть воспоминания не только о реально произошедшем событии, но и воспоминания о тех фантазиях, которые имели место в детстве, но позже были вытеснены в бессознательное, другими словами между воспоминанием и фантазированием нет никакой разницы. Таким образом, постепенно акцент с внешних неблагоприятных обстоятельств смещается на обстоятельства внутренние. Психическая реальность является особым открытием психоанализа. Это не объективная и не субъективная реальность, ее можно назвать особым психическим пространством Субъекта, в котором разворачивается его жизненная история. Во время клинической практики З. Фрейд все чаще начинает понимать, что рассказы его невротических пациентов являются вымыслом, фантазией — бессознательным желанием, которое через фантазм получило возможность стать частью реальности, в данном случае психической реальности Субъекта. Что бы не вызвало последующую невротическую симптоматику, реальное событие или только фантазм о нем, основным фактором, запускающим механизм невроза, является вытеснение представления о реальном/фантазматическом травматическом событии. «Если мы обладаем терпением, чтобы посредством анализа продвигаться к раннему детству, насколько только хватает человеческой памяти, то во всех случаях мы побуждаем больных к воспроизведению переживаний, которые вследствие их особенностей, а так же связи с последующими симптомами болезни должны рассматриваться в качестве искомой этимологии симптомов»^[13]. Необходимость вытеснения оказывается вызванной невозможностью вербализации предметных представлений, которые, в свою очередь, могут быть облечены в слова в процессе аналитической работы и техники свободных ассоциаций. К методу свободных ассоциаций З. Фрейд приходит довольно рано, в самом начале своей врачебной практики, когда одна из его пациенток говорит ему следующее: «Вместо того чтобы меня все время расспрашивать о причинах того, или другого, Вы бы лучше послушали то, что мне хочется Вам рассказать»^[5]. В более поздней своей работе З. Фрейд описывает данный метод следующим образом: «Пользуясь психоаналитической техникой, мы постоянно вызываем у больного такие производные продукты вытесненного, которые могут пройти через цензуру его сознания или благодаря своей искаженности, или удаленности от первично вытесненного представления. Такие дериваты представляют свободно возникающие в сознании мысли, которые больной должен высказывать по нашему требованию, отказавшись от всякой сознательной цели и от всякой критики, и из которых мы восстанавливаем в его сознании смысл вытесненного первичного представления, связанного с влечением. При этом мы наблюдаем, что пациент может воспроизводить длинную нить такого рода свободных мыслей, пока не наткнется на комплекс мыслей, в котором связь с вытесненным проявляется так интенсивно, что он вынужден снова прибегнуть к вытеснению. И невротические

симптомы, вероятно, тоже отвечали указанному условию, потому что и они являются продуктами вытесненного»^[10].

С развитием терапевтической практики и необходимостью более глубокого понимания принципа работы психики, З. Фрейд приступает к разработке топической модели, в рамках которой он формулирует три инстанции работы психического аппарата:

- Бессознательное
- Сознание

~ Предсознательное

Он вводит их для удобства описания происходящих в душевной жизни процессов, которые он предлагает считать бессознательными, в то время как восприятие их сознанием он сравнивает с процессом восприятия событий внешнего мира. «В психоанализе нам не остается ничего другого, как объявить душевные процессы сами по себе бессознательными и сравнить восприятие их сознанием с восприятием органами чувств внешнего мира»^[8]. На пути своего передвижения из бессознательного в сознание любой психический акт сталкивается с определенной «цензурой», которая, в свою очередь, либо позволяет дальнейшее движение в сторону сознания, либо ограничивает в пределах бессознательного, где он получает «статус» вытесненного. Кроме того, З. Фрейд делает важный комментарий: «Подобно тому, как Кант нас предупредил, чтобы мы всегда принимали во внимание субъективную условность нашего восприятия и никогда не считали наше восприятие вполне тождественным с неподдающимся познанию воспринимаемым, так и психоанализ предупреждает нас, чтобы мы не отождествляли восприятие сознания с бессознательным психическим процессом, который является объектом этого сознания»^[8]. Таким образом, подчеркивается тот процесс искажения, который проходит психический акт на пути своего движения к сознанию, а также уникальность психической реальности, для которой сам факт «объективной» действительности события играет второстепенную роль, а достоверность того или иного припоминания не может быть установлена. Понимания работы психического аппарата принципиальна для понимания концепции памяти, которой придерживался З. Фрейд.

Фиксацию «следов памяти» в психическом аппарате З. Фрейд сравнивает с «волшебным блокнотом», который позволяет осуществлять все новые записи, сохраняя при этом информацию о предыдущих. «Волшебный блокнот» представляет собой прототип психического аппарата, который состоит из двух основных частей: покрывающей целлулоидной бумаги и восковой пластинки. Запись осуществляется при помощи палочки, которая скользит по поверхности целлулоидной бумаги, при этом продавливая восковую пластинку и оставляя на ней следы записи. Тонкая поверхность верхнего слоя легко просвечивает записи, сделанные на восковой пластинке. Как только верхний слой при помощи подвижного края отделяется от пластинки, запись стирается, и блокнот может быть использован вновь. Однако, как пишет З. Фрейд, запись не исчезает полностью: «Поверхность "вечного блокнота" свободна от старой записи и способна к восприятию новой записи. Однако легко установить, что длительный след написанного сохранился на самой восковой пластинке и может быть прочитан при соответствующем освещении»^[9]. Целлулоидная бумага в данном случае работает потому же принципу, что и система сознания, которая, в свою очередь, так же выполняет защитные функции. Как бумага защищает восковую пластину от разрыва, так и система сознания защищает бессознательное от слишком сильных раздражений. Так же по аналогии с целлулоидной

бумагой, система сознания является только проводником информации, сама же запись происходит в системе бессознательного, которая в данном случае сравнима с восковой пластиной. Таким образом, система бессознательного остается исписанной следами памяти, которые становятся видны в прямом или искаженном виде только при соприкосновении с сознанием.

Словарь Ж. Лапланша и Ж. Понталиса дает следующее определение памяти в теории З. Фрейда: «Как известно, память для Фрейда – это не простое вместилище образов в строго эмпирическом смысле слова, но скорее совокупность мнесических систем; он расчленяет воспоминание на различные ассоциативные ряды и в конечном счете обозначает термином "мнесический след" не столько "слабое впечатление", сохраняющее сходство с объектом, сколько знак, который постоянно соотношен с другими знаками, но не связан с тем или иным чувственным качеством»^[3]. З. Фрейд вводит понятие «мнесического знака» в своих рассуждениях, основанных на анализе опыта работы с пациентами и утверждает, что символизация предметного представления в словесном представлении и наличие его в сознании не является исходом клинической работы, которая позволяет избавиться от вытеснения. Принятие слов аналитика для этого недостаточно, так как необходимым условием является нахождения связи нового сознательного представления с представлением бессознательным. «Только в скрепленном состоянии эти два представления образуют мнесический знак, в котором сознательное представление охватывает предметное представление и соответствующее ему словесное представление, бессознательное же состоит только из одного предметного представления»^[6]. Под мнесическим знаком или следом понимается след события, который сохранился в памяти субъекта, а важными оказываются не сами события или их реальность, а те следы, которые они оставляют. Понятие мнесического следа становится более ясным при разработке З. Фрейдом теории детской амнезии, которая представлена работой «Три очерка по теории сексуальности». Период раннего детства насыщен огромным количеством переживаний, которые, находясь вне поля сознания. Большое количество подобных переживаний связано с развитием детской сексуальности, однако большая часть из них оказывается вытесненной. Подобное вытеснение связано с социализацией и вхождением Субъекта в культуру. Позднее становится очевидным, что все травмирующие события и переживания детского периода вытесняются, однако проявляются в тех самых мнесических следах. «Понятие мнесического следа, является минимальной единицей метапсихологической теории памяти»^[6]. Работа вытеснения становится возможной под действием двух основных сил - выталкивания сознанием и притяжения бессознательным, именно подобное противодействие является необходимым условием для движения представления из одной психической инстанции в другую. З. Фрейд в работе «Вытеснение» пишет: «психоаналитический опыт наш над "неврозами перенесения" приводит нас к заключению, что вытеснение не представляет из себя механизма, существующего уже с самого начала, что оно не может произойти прежде, чем образовалось резкое разделение между сознательной и бессознательной душевной деятельностью и что сущность вытеснения состоит в удалении и отстранении какого-либо содержания из сознания». Невозможность символизации невысказанного желания отсылает его в бессознательную область, где оно встречает некое первовытесненное, обладающее необходимой силой притяжения, которое и обеспечивает работу данного механизма. Таким образом первовытесненное — еще один термин, введенный З. Фрейдом для объяснения принципа работы психики и памяти, является той неотъемлемой частью в топической модели психической системы, которая позволяет говорить о работе вытеснения. В теории З. Фрейда первовытесненное это субстанция, которое

обнаруживает себя в последствии — в последующем вытеснении, а также в последующей работе психических структур и памяти Субъекта.

Продолжая разговор о памяти в психоаналитической теории, обратимся к статье «Воспоминание, воспроизведение, проработка», в которой З. Фрейд разводит два термина:

- воспоминание;
- воспроизведение или повторение.

«Повторение в жизни человека оказывается настолько важным, что Ж. Лакан в 1964 году называет его одним из четырех фундаментальных понятий психоанализа, наряду с бессознательным, переносом и влечением»^[5]. Повторение говорит о настойчивом стремлении вытесненного вернуться в актуальную жизнь Субъекта. Этот термин стоит понимать в довольно широком смысле, так как сюда можно отнести симптомы, сны, ритуальные повторения определенных действий невротиками, а также бессознательное проигрывание травмы, которое является фактом психоаналитических отношений аналитика и анализанта. В работе «По ту сторону принципа удовольствия» З. Фрейд описывает игру своего внука Эрнеста, который выбирает своей игрушкой небольшую катушку. Он забрасывает ее за пределы кровати и восклицает "fort" - прочь, то притягивает ее обратно, восклицая "da" - тут. В этой игре символизируется акт повторения травматического события, которое, казалось бы, не должно доставлять никакого удовольствия. В отбрасывании катушки воспроизводится уход матери, а в притягивании - ее возвращение. Однако кроме символизации в этом акте заложен так же смысл овладения ситуацией. Малыш теперь играет главенствующую, активную роль и принимает решение, когда «маме» прийти, а когда уйти прочь. Таким образом, в повторении происходит овладение травмой. Так же в данной игре может быть заложено желание мщения матери, как будто говоря ей: «Да, иди прочь, мне тебя не надо, я сам тебя отсылаю»^[15]. Разрабатывая новую теорию влечений и переходя к рассмотрению «влечения к жизни» и «влечения к смерти», З. Фрейд характеризует навязчивое повторение, как некое постоянное свойство любого влечения. «Любое влечение имеет консервативную природу, то есть стремится вернуться к исходному состоянию, к воспроизведению, повторению уже бывшего»^[5]. Бессознательное навязчивое повторение и проигрывание травмы, которая может быть следствием опыта любых отношений, как со значимыми фигурами, так и с культурой, оказывается вписано в смысловой порядок жизни любого Субъекта. «Навязчивое повторение — особая форма памяти»^[5]. Усиливая этот тезис стоит заметить, что концепция памяти в психоанализе подчеркивает бессознательный характер её свойств. Таким образом, памятью является ни то, что мы осознаем, как собственную историю, а то что скрыто за этой историей в бессознательном, но формирует уникальную историю Субъекта.

Эстетическое поле жуткого

Пример навязчивого повторения З. Фрейд демонстрирует в работе «Жуткое», в которой он рассматривает данную эстетическую категорию и исследует природу происхождения чувства жути. Он начинает свою работу с разбора этимологии самого слова «жуткое» в разных языках, где по средствам лингвистического анализа он демонстрирует, что жутким является нечто, что когда-то было хорошо знакомым и родным. Далее З. Фрейд переходит к анализу литературного произведения — сказки Э. Т. А. Гоффмана «Песочный человек». Исходя из анализа внутреннего чувства жути, которое охватывает читателей, во время знакомства с данным литературным произведением, он приходит к

выводу, что источником этого чувства является столкновение с неким архаическим прошлым. «Речь здесь идет о возврате к отдельным фазам в истории развития чувства "я", о регрессии к тем временам, когда «я» еще четко не отделилось от внешнего мира и от других людей»^[11]. Он говорит об анамнize, который отсылает к первобытным временам, информация о которых сохраняется в нашей душе в виде следов. Жутким для нас, таким образом, является как раз нечто знакомое, то, что было вытеснено в систему бессознательного: «жуткое это нечто, что должно было остаться скрытым, но обнаружилось»^[11], но через работу ассоциаций и определенных смещений обнаружилось не в своем первоизданном виде, а лишь в некотором травматическом остатке или аффекте. Это, в понимании З. Фрейда, должно быть то самое первовытесненное, которое появилось тогда, когда проходила субъективация, первовытесненное, которое не символизируется, которое является базой последующих вытеснения и их навязчивого повторения. «Ощущение жуткого будет вызываться всем, что может напоминать об этом внутреннем навязчивом повторении»^[11] - то есть навязчивое повторение отсылает к аффекту чувства жути, который возвращается при столкновении с архаическими остатками наших представлений о себе и других, с тем, что кажется пугающим и чужим, но при этом оказывается уже когда-то виденным и знакомым. Таким образом, аффект - это в общем смысле слова так же некий след, оставленный бессознательным представлением, который всегда находится на границе бессознательного и сознания, не может быть символизирован, но может быть пережит и прочувствован «в таком переживании, которое мы воспринимаем, но не узнаем»^[7]. З. Фрейд характеризует аффект, как свойство любых влечений и выделяет различные пути его развития. В некоторых случаях аффект преобразовывается в страх, что в последствие создает потенциал для развития фобий и истерии страха. Страх, по словам З. Фрейда, является «разменной монетой» любого аффекта, который способен переживать человек, то есть другими словами любовь, ревность, ненависть, зависть, скука могут в любой момент превратиться в страх. Фобия представляет собой яркий пример взаимодействия субъекта с аффектом страха, который выносится во вне. Отделившийся от некоего бессознательного травмирующего представления аффект, в связке с новым означаемым невыговариваемый страх, находит свое «пристанище» в символическом порядке окружающего мира. З. Фрейд выделяет аффект жуткого из аффекта страха и пишет о жутком следующее: «нет сомнений, что оно относится к ужасному, страшному и пугающему, точно так же достоверно и то, что это слово не всегда употребляется в строго определенном значении, так что оно чаще всего совпадает со страшным вообще. Но все-таки можно ожидать, что есть такое особое ядро, оправдывающее употребление особого названия понятия»^[11]. Само чувство жуткого неоднородно и может быть представлено в трех регистрах:

- жуткое, как столкновение с чем-то архаическим первовытесненным;
- жуткое, как навязчивое повторение возвращения несимволизированного;
- жуткое, как столкновение с нарциссическим удвоением собственного образа.

Тем не менее мы видим, что все три категории так или иначе описывают встречу с собственной «забытой» памятью или, другими словами, со следами оставленными в бессознательном в процессе формирования Субъекта. Здесь важно еще раз указать на тот акцент, который З. Фрейд делает в самом начале работы «Жуткое», подчеркивая, что чувство жуткого «восходит к давно известному, знакомому» и именно это известное, но забытое является тем «особым ядром», которое выделяет его в отдельную категорию. Здесь стоит обратиться к психоаналитическому пониманию истории конституирования

Субъекта, процесса формирования и развития памяти, во время которого происходит вписывания тех самых следов в бессознательном, которые обеспечивают её дальнейшую работу.

Теория коллективной памяти. Психоаналитическая концепция культуры

Для З. Фрейда Субъект - это всегда Субъект культуры. С самого момента рождения субъект уже никогда не бывает один, рядом с ним всегда есть другой. Этим первым другим для него становится мать, которая через слово передает ему символический код культурного пространства. Затем он попадает в более сложное культурное поле, выстраивая новые социальные связи. Через идентификацию с другими и через взаимодействие с культурой конструируется сам Субъект. Представляется важным проследить формирование понятия культуры в работах З. Фрейда, которое оказывается довольно близким более поздним определениям коллективной памяти, сформулированными другими авторами. Наиболее значительное место рассуждению о формировании некоего коллективного представления, которое присутствует в бессознательной памяти народов, З. Фрейд отводит в своей работе «Тотем и Табу». Здесь он выдвигает теорию, согласно которой происхождение культуры, религии и системы социальных правил и ограничений проистекают из чувства вины и инкорпорации запретов, которые произошли в доисторические времена и связаны с убийством деспотичного отца его сыновьями в первобытной орде. «Тотемическая трапеза, которая, вероятно, является первым праздником человечества, служит повторением и празднованием этого незабываемого и преступного акта, положившего начало таким вещам, как общественные организации, ограничения морали, религии»^[17]. Отражение этого события находится в приобретенном, в связи с убийством, чувстве вины и добровольном подчинении тем запретам, которые изначально исходили от убитого отца, однако, после убийства были приняты его сыновьями и в последствии стали частью бессознательного будущих поколений, что находит свое подтверждение в развитии Эдипового конфликта у ребенка, который лежит в основе всех неврозов. В основе амбивалентного отношения к отцу со стороны сына, который, в свою очередь, пытается завладеть всеми нежными чувствами матери, лежит предпосылка, которая была оставлена архаическим прошлым, а именно тем самым первым ритуальным убийством отца. «Таким образом, в заключение этого крайне сокращенного исследования, я хочу высказать вывод, что в Эдиповом комплексе совпадает начало религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов, поскольку они до сих пор оказались доступными нашему пониманию»^[17]. Развитие данных представлений и более глубокий анализ с точки зрения разработки теории массовой психологии З. Фрейд предпринимает в своей последней работе «Человек Моисей. Психология религии», где он говорит о работе групповой памяти и наличии мнемических следов в памяти человека, которые являются остатками архаического коллективного прошлого, о котором он не имеет возможность знать или помнить, но имеет представление о нем в системе бессознательного. Формирование коллективной памяти З. Фрейд соотносит с периодом формирования языка и указывает на значение его символического содержания. Понимание работы памяти в теории З. Фрейда оказывается глубоко переплетено с пониманием принципа работы самой психики. Он не ограничивается разработкой только лишь принципов формирования и функционирования психики Субъекта, но и обращается к массовой психологии. Важнейшую попытку разработки этой теории З. Фрейд предпринимает в работе «Массовая психология и анализ человеческого Я». Одним из самых значительных её тезисов является утверждение, что массовая психология

подвержена тем же процессам, что и психология индивидуальная. «Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное»^[12]. В массе снимаются все тормозящие ресурсы, присущие индивиду и актуализируются архаичные, первобытные позывы, а так же удаляются логические противоречия и согласовываются противоположные идеи. Таким образом, продолжая логику согласно которой прослеживается явная аналогия между психологией индивидуальной и коллективной, память, в психоаналитическом её понимании, может рассматриваться, как на индивидуальном так и на коллективном уровне, как подчиняющуюся одним и тем же законам. Несмотря на отсутствие сформулированного термина «коллективная память» в работах З. Фрейда, представляется возможным свести определение этого понятия к общепризнанному пониманию понятия «культура», который является предметом постоянного анализа в его работах. Развивая мысль З. Фрейда о том, что остатки архаического прошлого являющихся частью коллективной памяти, имеют символическое содержание, весь широкий пласт культурных артефактов и такие его составные части, как живопись, графика, скульптура, литература и другие примеры творчества можно назвать свободными ассоциациями коллективной памяти, которые приносят следы воспоминаний и формируют тонкие связующие нити между индивидуальной и коллективной памятью. Как отмечалось ранее, процесс социализации и вхождения в культуру, в том числе, через взаимодействие с различными культурными объектами, оказывается важнейшим этапом в процессе формирования Субъекта и его памяти, не исключая того периода, когда происходит формация первовытесненного, обеспечивающего всю последующую работу бессознательных ассоциативных цепочек памяти.

Подобный подход к пониманию принципов работы памяти особенно актуален в рамках пост-травматического общества, когда продолжается разговор о культурных травмах, присущих целым народам и этносам, обладающим общим культурным кодом. XX столетие наполнено различными сдвигами и разломами мировых войн, репрессий и геноцидов, которые конституировались в личных и коллективных травмах. Здесь стоит ещё раз обратиться к теоретическим изысканиям психоанализа и подчеркнуть роль травмы и её вытеснения в процессе формирования памяти и последующем возвращении её следов, в том числе через практику свободных ассоциаций. Таким образом, проясняя связь между коллективными и индивидуальными уровнями травмы и памяти, можно утверждать, что на обоих уровнях определяющими являются следы, оставленные в бессознательном. Довольно проблематичным оказывается проследить то пространство, в котором происходит взаимодействие индивидуального и коллективного, однако возвращаясь к утверждению, что свободными ассоциациями коллективной памяти является пространство культурных артефактов, стоит ещё раз обратить внимание на понятие аффект жуткого, вводимое и подробно разбираемое З. Фрейдом. Искусство оказывается тем полем, при взаимодействии с которым через аффект жуткого, актуализируются следы в бессознательном Субъекта, являющиеся следами архаического прошлого, зафиксированного в коллективной памяти, и через взаимодействие с ними Субъекта в процессе вхождения в культурное поле, ставшие частью его индивидуальной памяти. Здесь, в этом едва уловим нюансе, заложена основа понимания «истинной природы» памяти. Революционная мысль З. Фрейда заключалась в открытии им главенствующей роли бессознательного на всем жизненном пути Субъекта. Сама идея бессознательного уже разрабатывалась рядом философов и до него, но именно в психоанализе источником для понимания бессознательных процессов становится клиническая практика, она же является источником для осмысления бессознательной природы памяти. После открытия бессознательного, оказывается, что Субъект уже более не

принадлежит сам себе, он принадлежит бессознательному, а его представление о себе и о своем мыслящем, целостном Я, лишь иллюзия, выстроенная из представлений сознания о происходящих в бессознательном процессах. Психоаналитический процесс нацелен на все больший уход от иллюзии и на всё большее приближение к никогда-полностью-недоступной-истине о самом себе. Возвращаясь к вопросу о проработке прошлого, мы утверждаем, что она должна происходить именно в пространстве бессознательной памяти, как этика приближения к истине. Через аффект жуткого, через невербализованное но пережитое чувство, вызванное встречей с самим собой, наблюдается приближение к истине индивидуального и истине коллективного, которая не может быть полностью осознана, но и не может подвергнуться изменению в зависимости от меняющихся внешних обстоятельств.

Назад к Фрейду!

Дальнейшее развитие этих соображений потребовало бы обращений к работам других авторов, которые пересматривали введенные З. Фрейдом понятия, и, безусловно, являются чрезвычайно важными для более глубокого осмысления рассматриваемой проблематики, но подобная задача в рамках данной статьи не ставилась. Мы лишь поверхностно обозначим самые значительные из них. Это, в первую очередь, Жак Деррида и Жак Лакан, которые развивают идеи З. Фрейда и разрабатывают концепции, которые поддерживаются идеей расщепленного субъекта, никогда нетождественного самому себе. Филипп Лаку-Лабарт посвящает отдельное исследование категории жуткого и обозначает её тем полем, к которому принадлежит любое искусство, что продолжает мысль Жан Франсуа Лиотара и Эммануила Канта о возвышенном, которое будучи эстетическим переживанием, одновременно доставляет наслаждение и боль. Браха Лихтенберг Эттингер развивает мысль З. Фрейда о жутком, как эстетической категории, а так же выводит его понимание в поле матричного транс-субъективного пространства, одного из основных терминов её этико-эстетической теории. Мишель Фуко и Доминик Лакапра осмысляют жуткое, в рамках проблематики репрезентации неоднозначных исторических событий. Д. Лакапра рассматривает категорию жуткого, в рамках дискурса интеллектуальной истории, рассуждая о границах исторического знания и способности к осмыслению таких непостижимых форм жестокости, как Холокост или примеры геноцида имевшие место быть в XX веке. Это, конечно, далеко не полный список мыслителей, занимавшихся данной проблематикой, но их работы могли бы существенно дополнить исследуемый вопрос в заданном векторе.

Начиная серию своих семинаров, посвященных психоанализу, Жак Лакан постулирует их главный тезис - «Назад к Фрейду!», утверждая тем самым, что без обращения к прошлому, невозможно стремление в будущее. Следуя этому принципу, была написана данная статья, призванная прояснить понимание теоретических вопросов, ставших основой для большого числа последующих исследований, которые и сегодня являются важными и значительными событиями мировой интеллектуальной жизни.

Библиография

1. Адорно Т. Что значит проработка прошлого // Неприкосновенный запас № 2-3. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>
2. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: Академический проект, 2011. 544 с.
3. Лапланш Ж. Понталис Ж. Б. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996. 623 с.
4. Лиотар Ж. Ф. Постмодерн в изложении для детей. М.: Рос. гос. гуманит. Ун-т, 2008. 145 с.

5. Мазин В. Зигмунд Фрейд: Психоаналитическая революция. Нежин: Видавництво, 2011. 360 с.
6. Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида. СПб.: Алетея, 2010. 257 с.
7. Савченкова Н. Альтернативные стили чувственности. СПб: Изд. СПбГУ, 2004. 164 с.
8. Фрейд З. Бессознательное// Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сб. / отв ред. СПб.: Алетея, 1998. С.151-193.
9. Фрейд З. Волшебный блокнот // Психология бессознательного: Сб./ М.: Просвещение, 1989. С.7-13.
10. Фрейд З. Вытеснение // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сб. / СПб.: Алетея, 1998. С.108-123.
11. Фрейд З. Жуткое// Психологические сочинения: Сб. / М.: Фирма STD, 2006. 261-299 с.
12. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого Я. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 192 с.
13. Фрейд З. Об этиологии истерии СПб.: Алетея, 1998. С.108.
14. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. СПб.: Азбука, 2007. 224 с.
15. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. СПб.: Азбука, 2013. 258 с.
16. Фрейд З. Толкование сновидений. СПб: Азбука, 2007. 512 с.
17. Фрейд З. Тотем и Табу. СПб.: Азбука, 2013. 256 с.
18. Фрейд З. Человек Моисей. Психология религии. М.: Академический проект, 2007. 193 с.

References (transliterated)

1. Adorno T. Chto znachit prorabotka proshlogo // Neprikosnovennyi zapas № 2-3. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>
2. Adorno T. Negativnaya dialektika. M.: Akademicheskii proekt, 2011. 544 s.
3. Laplansh Zh. Pontalis Zh. B. Slovar' po psikhoanalizu. M.: Vysshaya shkola, 1996. 623 s.
4. Liotar Zh. F. Postmodern v izlozhenii dlya detei. M.: Ros. gos. gumanit. Un-t, 2008. 145 s.
5. Mazin V. Zigmund Freid: Psikhoanaliticheskaya revolyutsiya. Nezhin: Vidavnitstvo, 2011. 360 s.
6. Mazin V. Sub'ekt Freida i Derrida. SPb.: Aleteya, 2010. 257 s.
7. Savchenkova N. Al'ternativnye stili chuvstvennosti. SPb: Izd. SPbGU, 2004. 164 s.
8. Freid Z. Bessoznatel'noe// Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza: Sb. / otv red. Spb.: Aleteiya, 1998. S.151-193.
9. Freid Z. Volshebnyi bloknot // Psikhologiya bessoznatel'nogo: Sb./ M.: Prosveshchenie, 1989. S.7-13.
10. Freid Z. Vytesnenie // Osnovnye psikhologicheskie teorii v psikhoanalize. Ocherk istorii psikhoanaliza: Sb. / SPb.: Aleteiya, 1998. S.108-123.
11. Freid Z. Zhutkoe// Psikhologicheskie sochineniya: Sb. / M.: Firma STD, 2006. 261-299 s.
12. Freid Z. Massovaya psikhologiya i analiz chelovecheskogo Ya. SPb.: Azbuka-Attikus, 2013. 192 s.
13. Freid Z. Ob etiologii isterii SPb.: Aleteiya, 1998. S.108.
14. Freid Z. Psikhopatologiya obydennoi zhizni. SPb.: Azbuka, 2007. 224 s.

15. Freid Z. Po tu storonu printsipa udovol'stviya. SPb.: Azbuka, 2013. 258 s.
16. Freid Z. Tolkovanie snovidenii. SPb: Azbuka, 2007. 512 s.
17. Freid Z. Totem i Tabu. SPb.: Azbuka, 2013. 256 s.
18. Freid Z. Chelovek Moisei. Psikhologiya religii. M.: Akademicheskii proekt, 2007. 193 s.